

ВОСПОМИНАНИЯ ВЫПУСКНИКОВ ФИЛОСОФСКОГО ФАКУЛЬТЕТА

Ступени. В Томском университете они неровной, полукруглой формы. В центре камень стерт тысячами, десятками тысяч ног. По бокам ходят меньше, уровень выше, он показывает, что было до того, как прошла студенческая река.

Через сто лет после строительства, в 1988 г., затеяли капитальный ремонт. Поменяли потолки, перекрытия, стены, с которых кусками сыпалась штукатурка. Новые ровненькие ступени заменили старые. Сколько башмаков, туфелек, сапожек и тапочек нужно, чтобы снова возникло это ощущение вечности – ты идешь по старому парку, с трудом открываешь неподъемную дверь главного корпуса, идешь наверх, как по волнорезу? Непонятно.

Валерий Борисович Родос (логика). На первую встречу пришел в желтой женской кофте, криво застегнутой на огромном животе. Глаз Валерия Борисовича направлен чуть вверх и налево. Второй глаз тоже куда-то смотрит, но постоянно меняет направление. Когда он тычет в тебя кривым пальцем и говорит: «Я вас спрашиваю, девушка!» (юношей у нас немного, и они молчат), встает и отвечает всегда не та. Однако уже через пару недель мы научились определять, на что именно он смотрит, с поправкой градусов этак в шестьдесят пять.

О его внешности мы забыли уже через пятнадцать минут. После того, как он заговорил. С этих пор я знаю железное правило: любому человеку можно задурить голову минут этак на десять – пятнадцать, потом он видит, кто ты есть на самом деле. Особенно это заметно в общении студентов и преподавателей. В первые пятнадцать минут лекции студенческая гидра ставит тебе диагноз: «Этот глуп», «Эта ничего, но слишком добрая, значит, ее можно под себя подмять» или «Кошмар!».

Родос завораживает тебя как змея. Причем ты играешь роль Евы, которую нужно (нужно!) во что бы то ни стало заморозить, оплести разноцветными нитками силлогизмов, всучить яблочко с древа познания. А потом бросить.

Томский университет – странное, магическое место. Как Кремль. Или Оксфорд. Покидая его, ты навсегда уносишь с собой тоску по этому месту. Избавляться от нее приходится тяжело и мучительно, годами. И постоянная зависть к тем, кто остался, эти наркоманы получают свою дозу вовремя и регулярно.

Ольга Геннадьевна Мазаева. Вела у нас несколько курсов, была куратором. О содержании ее лекций ничего не могу сказать, потому что ничего не помню. Хотя пару ее идей использовала в диссертации. Помню желтый осенний свет, сочащийся из окна в полуподвале, Ольга Геннадьевна в балахоне что-то толкует нам, неразумным, стоя в углу.

Как у любого интеллигентного человека, у нее органическое неприятие лжи. Поэтому особенно весело было наблюдать за ней на семинарах по теории научного коммунизма. Сенсорный голод терзал нас всех, потому все и дремали в голодном обмороке.

Доброта Мазаевой не знает пределов.

Альберт Николаевич Книгин (онтология и гносеология). Инфернальное ощущение. Этот человек сломал мой мозг, вытряхнул его и повернул вспять направление мозговых извилин. Редкий человек обладает способностью менять сознание другого. Нет, кто-то может дать тебе новые сведения, как починить кран, например. Или водить машину. Или в каком году родился Георг Вильгельм Фридрих Гегель. И так далее. Изменить систему понятий в кантовском смысле, по форме, а не только по содержанию, было дано только ему. Редкий талант, опасный талант. Я стараюсь этого не делать со своими студентами, особенно после перестройки.

Экзамены принимает зверски. Помню экзамен по диалектическому материализму. Он не вставал со своего места двенадцать (!) часов. Это при группе-то в двадцать четыре человека. Чтобы ответить ему на «пять», нужно было отвечать не меньше часа. Первой жертвой пал Сашка, наш гений. Выполнил через полтора часа и со стоном: «Нельзя же так спрашивать!», пополз вдоль стенки, перебирая руками. Мой личный рекорд – пятьдесят шесть минут.

Сейчас он выглядит моложе, чем двадцать лет назад.

Валерий Валерьевич Чешев (история философии). Он не меняется. Та же манера снимать очки и сосать дужку. Потом надевать обратно. Вокруг доски ходит кругами, что-то подтирает – точку, закорючку у буквы. По-моему, постоянно скучает. Эту преподавательскую скуку понимаешь лет через десять, когда сам ужом вертишься вокруг доски, грызешь ручки или играешь со стулом. Сейчас он так же далек от окружающего мира, как и тогда, только его скука стала суше и острее.

Анатолий Константинович Сухотин. Нынче кафедра философии размножилась как гидра, философы по-барски расселились по двум корпусам. Тогда он был единственный и неповторимый заведующий, недоступный, как Монблан, с породистым барским лицом и руками. Конфликт с нами случился у него только один раз, когда группа правдолюбцев решила «похерить» зачет по библиотековедению. Взамен Анатолий Константинович поставил зачет по себе, любимому. Ответили мы как всегда, то есть блестяще (половина первого выпуска получила красные дипломы). На этом конфликт и был исчерпан. Работая на разных других кафедрах, я только теперь понимаю, насколько он был хорош. Как в китайской пословице: «Лучшее начальство то, которое не замечаешь».

Черникова (аспирантка, проблемы естествознания). Порождение Книгина, этим все сказано.

Июнь (сессия). Самые страшные экзамены – история КПСС, физкультура и иняз. Историки партии – самые злые, потому после экзамена можно сразу жениться. Такого темного ужаса я не испытывала даже в школе, когда сдавала физику.

Физкультурники злы по другой причине, из-за пропусков, а может, из-за комплекса неполноценности. Странно, но все они, как дамы, так и мужики, обладали схожим строением – округлым, как у дельфина, и таким же обтекаемым.

Мы, общежитские, опаздывали на физкультуру чаще. Пик пропусков пал на зимние месяцы, когда нужно было встать в седьмом часу и в спортивном костюме и легонькой осенней курточке пилить на другой конец города, на лыжную базу возле ТИАСУРа. Это сейчас все рядом, а тогда общага располагалась по адресу – Ленина, 49. Рыдайте, гуманитарии, тогда до учебы было рукой подать. Правда, и туалет был один на этаж, а душ один на пять этажей.

По закону подлости все наваливалось вдруг и сразу. Нужно отрабатывать пропуски по физкультуре, сдавать «тысячи», готовиться к зачетам и экзаменам. А в университетском парке – одуряющий запах цветущей черемухи в начале июня и дурман цветущей сирени в конце, тогда, когда нет сил ни на что.

Скандалы, интриги, расследования. В июне 1984 г. в ТГУ запретили «день пива». Согласно горбачевскому указу о трезвости. Пятый курс истфака остался не у дел – обещанная бочка пива, которую должны были поставить первокурсникам, зависла в воздухе. Тайно его все-таки провели. Но беготня по коридорам общаги с тазиками, банками, кружками (у кого что есть) не прошла даром. На историков навалились партком, местком и т.д., обвиняя их в политической близорукости. Таких скандалов с Соловецкими плясками на моей памяти было еще два. И всякий раз первоисточником был истфак – мятежный и свободолюбивый. Философы же всегда жили как раки-отшельники, каждый в своей скорлупе.

Второй скандал имел национальный оттенок и проходил под знаком великорусского шовинизма. Весной 1988 г. в общежитии историки слегка побили своего же, но грузина. Тот по кавказской своей привычке вздумал поучить кулаками даму. И выпивши-то она была, и права качала, но по кодексу истинного джентльмена трогать ее все-таки был грех. В тот раз историки отбились с трудом, факультет трепали на самых высоких уровнях, даже с участием райкома партии. Представители малых, но гордых народов, выходя с заседания парткома, где выговоры влепили всем, цедили: «Горный орел подавил русское мясо». С тех пор я... Неважно.

Третий скандал был смешным. В целом районе студгородка где-то в восьмом часу вечера отключили свет. Некоторое время народ надеялся, что освещение все ж таки дадут. Потом пришло отчаянье – в кино уже не пойдешь, книжку не считаешь, а идти на свидание в кромешной тьме опасно. В десять ноль три со стороны политеховской общаги кто-то внятно и громко сказал в нашу сторону: «Универ – дураки!» И началось.

Одно могу сказать, я поняла, почему именно женским, нежным голосом объявляют в метро, соединяют на телеграфе и будят потерявшего на большой высоте сознание летчика. Дольше всех держались филологини, наше правое, оппортунистическое крыло. Как же они вопили!

За этот вечер мы простили им все. И коврики. И крючки у дверей. И чистые занавески. И до невозможности жирных и наглых котов, которые как огня боялись нашей левой половины. Слава вам, блюстители русского языка и литературы, потенциально лучшие в мире жены и матери.

Лето, практика. Ну, какая *практика* может быть у философа? Историки ковыряются в земле, филологи едут в пионерлагерь вожатыми, о технарях и говорить нечего. Нас решили распахать по комсомольским и партийным организациям.

Я и мои ближайшие подруги – Ира и Маша – угодили в райком ВЛКСМ в самом центре, возле кинотеатра. Ирке повезло сказочно: целыми днями она раскатывала на служебной «Волге» и принимала в комсомол. Единственная неприятность – лето, жара, колхоз. А где еще взять четырнадцатилетних подростков, если школьники и студенты все на каникулах?

Во времена советской власти в деревне можно было разжиться дефицитом – книжкой «Анжелика – маркиза ангелов» или колготками. По философской своей привычке Ирина пропустила даже это. Зато приобрела скверную привычку – спасаясь от жары, спать на столе первого секретаря райкома, самом прохладном месте во всем здании. Не стол, конечно, прохладное место, а кабинет секретаря. Вы спрашиваете, где в это время было само начальство? В отпуске. В священное место боялись заходить и первый, и второй зам. Нам же поручали аккуратно и бережно вытирать там пыль. Вместо этого мы... Интересно, работяги где-нибудь в пентхаузе ведут себя так же? Наверное, да.

Теперь о нас с Машей. Мы угодили в самое пекло – в канцелярию. Единственное место, где по-настоящему работали. Причем с утра и до вечера. Бывало, как заполнишь тридцать – сорок бланков о приеме, как обзвонишь всех насчет комсомольских взносов, как выдашь полусотне человек комсомольские билеты... В советские времена утрата комсомольского или партийного билета – это катастрофа. Не расстреляют, конечно, но намыкаешься, собирая справки и стоя в очередях. Кстати, пару лет назад я пережила похожее ощущение, потеряв паспорт. В основе своей жизнь остается прежней. Скажем, пять лет общаги вызывают у человека стойкое отвращение к лапше, жареной картошке и кабачковой икре. Сейчас у студентов нет последней, икры заморской, баклажанной, а остальное все то же.

Для рядовых комсомольцев само членство в ВЛКСМ – это скука смертная. Хорошо, если работе не мешает. А как кузница кадров будущих руководителей – вполне. Кстати, ведущие посты в бизнесе с начала перестройки заняли не фарцовщики или цеховики. Комсомольские и партийные лидеры, вот кто. Насчет последних ничего не скажу, но первые действительно были самыми активными.

Масса поддавалась им с трудом. Помню, как мы со рвением неофитов вызванивали секретаря комсомольской организации роддома. У него – кесарево сечение, у нас – рубль двадцать недоимок. А аббревиатура КВД, которую мы расшифровали как комитет внутренних дел? Оказалось – кожно-венерологический диспансер. Хотя в конце-то концов...

Интересно, что сейчас выступает кузницей руководящих кадров? Неужели церковь? Грустно, если это так. Нет, ничего против я не имею, просто ду-

маю, что по российской нашей привычке сваливать все в одну кучу мы молиться будем не только в храме, но, пожалуй, и до мечети с дацаном дойдем.

Чудеса. За три дня до стипендии деньги кончились у всех. Впереди нас ожидало туманное и неопределенное будущее и рупь десять общего капитала на троих. Для экономии средств и поддержания организма решили питаться в блинной. Там порция блинов, две штуки в сантиметр толщиной, обильно политые маслом, стоила десять копеек. К ним прилагался стакан чая с сахаром, солонка без соли и железный стол на одной ноге. Салфеток не было.

Наш заказ – три тройных порции блинов и три стакана чая – вызвал у работников столовой легкое недоумение. Однако блины и чай нам выдали. Мы с Машей жевали довольно активно, за все «уплочено», а до вечера послезавтра еще дожить надо. Ирка сломалась на второй двойной порции. После непродолжительной дискуссии: «Ешь, зараза!» – «Девочки, я больше не могу!», решили блины завернуть в чистый носовой платок (Машин) и идти домой.

Настроение было ужасное. В желудке с недовольным урчанием ворочались блины, Марья шипела, разглядывая свою истекающую маслом сумку, я задумчиво подкидывала на ладони последние десять копеек – на бутерброд с колбасой хватит. И тут навстречу нам попала старушка. Протянула руку. Мы пожали плечами: у самих ничего нет. Старуха поплелась дальше.

– А что, девчонки, – тихо сказала Иришка, – ей ведь приходится хуже, чем нам.

– Пес с ними, с десятью копейками, – ответствовали мы с Машей. – Догони ее, отдай.

Ирка побежала за бабкой. Потом мы поплелись на практику, будь она неладна. Мы с Машей пошли на обход неблагополучных подростков, прикрепленных к нашему райкому, в лабиринт старых деревянных домов и заброшенных трамвайных путей. Жаркий июльский день катился к концу.

Возвращаясь домой, я нашла на рельсах три рубля, целое состояние.

Многое происходило со всеми нами потом, но ощущение этого июльского вечера осталось во мне навсегда. Это был день, когда с нами произошло чудо.

Логунова Лариса Валентиновна

Когда в ответ на вопрос: «Какая у Вас специальность?», слышат – «Философия», люди недоуменно улыбаются, в лучшем случае снисходительно, иногда с иронией или сочувственно: «Мол, угораздило же тебя!..»

В наш прагматичный и циничный век «непрактичность» философии и собственно философов ни у кого не вызывает сомнения. Как имел обыкновение шутить мой свекор: «Хорошо философу: рот закрыл и рабочее место прибрано».

Не скрою, мучительные сомнения в правильности выбора моего профессионального поприща мучили и меня. Столько возможностей предоставляет современная ярмарка образования!.. Парадокс, однако, состоит в том, что, представляя иные возможные варианты своего профессионального самооп-

ределения, альтернативные философии, я ничего не могу придумать более подходящего для себя и, как ни странно, более практичного.

Где бы я ни работала, чем бы ни занималась (будь то секретарская, переводческая, менеджерская работа), то, что мне дали занятия философией – особый способ отношения к жизни, – помогало найти адекватное ситуации решение.

Более того, чем дальше, тем больше ощущается потребность и интерес к изучению различных философских систем, нетривиальных представлений, возможности знакомства с которыми раньше мы были лишены. Сегодня же можно купаться в море теорий, течений и направлений!..

Когда Теодор Шанин, обращаясь к своим студентам Московской высшей школы социальных и экономических наук, говорит: «Я буду очень удивлен, если каждый из вас в течение своей профессиональной жизни не поменяет четыре специальности. И поэтому готовить вас «узко», к специфической профессии, не вполне эффективно. Вам надо готовиться к взрослости, к способности употребить аналитическое мышление, к способности переброситься с позиции на позицию, понимать изменившиеся условия и в этих условиях действовать», я понимаю: «Нас именно этому и учили!» И это значит, что уже 20 лет назад мы оказались потенциально подготовленными к возможным переменам, зигзагам и крутым виражам судьбы.

Правда, раньше я воспринимала философию как некую гимнастику ума. Сейчас же я чувствую ее гораздо шире, объемнее, сочнее. Для меня быть философом – это жить в постоянном поиске, испытывая радость вопрошания и удивления. Это то, что дает ощущение полета и драйва, когда жизнь для тебя не нечто ставшее, но становящееся. И поток жизни «дао», и единение с природой, и чувство Бога, и рационализация-понимание – все возможно. Каждый способ бытия является по-своему уникальным и, следовательно, прекрасным. И именно философское отношение к жизни раздвигает горизонты и приглашает тебя к сотворчеству бытия.

Философия – это чтобы «не скучать». Даже написание «Философии скуки» представляет собой своеобразный способ нескучания.

Прелесть философии – на грани безумия. Не в смысле психического состояния (хотя и это, как мы знаем, возможно), а как возможность допущения чего-то такого, чего раньше никогда не было (по крайней мере, в твоей жизни). Философ, подобно поэту, музыканту или художнику, тонко улавливает флюиды окружающего не в какой-то конкретной сфере, но общие тренды, и фиксирует их в рациональной (следовательно, доступной другим) форме.

Михайлова Ольга Владимировна

Мое интеллектуальное становление пришлось на 80-е гг. Марксизм был официальной идеологией, и те, кто умел это использовать, жили хорошо.

«Диалектический» и «исторический» материализм, «марксистско-ленинская» этика и эстетика, научный коммунизм, история КПСС – вот краткий перечень курсов, которые преподавались тогда. Тексты «классиков» повторялись из года в год по разным дисциплинам, и мы уже знали наизусть целые страницы. Но были курсы, свободные от идеологии. Прежде всего, это логи-

ка. Валерий Борисович Родос говорил нам, что определение понятия «материя», данное В.И. Лениным в «Философских тетрадах», не выдерживает критики; что на страницах «Науки логики» Г. Гегеля – куча логических ошибок; а также что Г. Белля печатали в нашей стране потому, что он антифашист. Но перестали печатать после того, как осознали, что для Белля антифашизм и антикоммунизм – одно и то же.

На первой встрече с преподавателями кафедры философии Томского государственного университета в 1983 г., когда мы были «не только первыми, но и единственными» (В.Б. Родос), Валерий Борисович вышел и сказал, что сейчас мы познакомимся с «нашей мамой» – Ольгой Геннадьевной Мазаевой. Точнее не назовешь.

Она читала нам множество курсов, но больше всего запомнились лекции по «истории буржуазной философии», как это тогда называлось. Сейчас можно читать и преподавать все. Но тогда ее лекции воспринимались как геройство. Мало было переводов и комментариев; многое запрещалось, так как шло вразрез с «линией партии»... Но были два обстоятельства, помогавшие выжить: это Научная библиотека ТГУ с ее фондом дореволюционной литературы и отделом редких книг и подвижничество Ольги Геннадьевны, помогавшей нам все это освоить.

Мы читали Августина Блаженного, Я. Беме, А. Шопенгауэра, Ф. Ницше и, конечно же, русскую философскую классику: В. Соловьева, К. Леонтьева, А. Хомякова, И. Киреевского, Н. Бердяева, С.Н. Булгакова, декадентов, символистов... Философия представлялась совершенно другой – «философией свободных» (Н. Бердяев), поражавшей своей глубиной и интеллектуальной чистотой. В мире господства марксистских идей это было царство разума, красоты и добра в высоком смысле. Но все это накладывало определенные нравственные обязательства: более глубокое и адекватное прочтение текста, честный комментарий к нему, пристальный интерес к судьбе автора. Все это содержалось в лекциях Ольги Геннадьевны. Впоследствии она первой на философском факультете вышла из рядов КПСС, показав пример многим другим.

Анатолий Константинович Сухотин был первым деканом философского факультета. На первом курсе он читал нам лекции по теории познания. Меня сразили простота и откровенность подачи материала. «Что такое абсолютный дух Гегеля?» – спрашивал он. И отвечал: «Это и есть Бог». И сразу многое в гегелевских текстах вставало на свои места. Впоследствии он читал нам много других курсов, в том числе по своим замечательным книгам; но мне хотелось бы вспомнить его слова, сказанные в курсе «Методика преподавания философии» (1988 г.): «Хороший преподаватель, идя на лекцию, волнуется. Волнуйтесь, волнуйтесь...» Эти слова, запомнившиеся на всю жизнь, очень часто помогают мне в работе.

Недавно Анатолий Константинович отмечал свой 85-й юбилей. Когда были произнесены все поздравительные речи, он встал и сказал ответное слово. Смысл его был в следующем: старость относится к жизни, как вечер ко дню. Если составить пропорцию, то получится, что старость равна дроби, в числителе которой – вечер и жизнь, а в знаменателе – день. Но день постепенно уходит, и остается «вечер жизни». «Не говорите, – заметил он, – что у

меня наступила старость. Говорите, что у меня наступил вечер жизни». Более проникновенных и трогательных слов я не слышала.

И, последний по месту, но не по значению – Альберт Николаевич Книгин. Он читал нам диалектический материализм в 1983–1984 гг. Благодаря его труду мы знали марксистскую диалектику досконально. Что важно: на семинарских занятиях, в конце выступления или доклада, он спрашивал (по поводу текстов классиков): «А что Вы думаете на этот счет? Каково Ваше мнение?» Эти вопросы побуждали думать, формулировать собственную позицию и говорили об уважении преподавателя к студенту. Скольким людям впоследствии было безразлично мое мнение...

Однажды случился казус: на первом экзамене по диалектическому материализму мне достался вопрос «Тезисы К. Маркса о Фейербахе». И оказалось, что я забыла их прочитать. Я старалась вспомнить что-то по лекциям, но ответ был неубедителен. Произошел диалог:

А.Н.: Вы читали «Тезисы о Фейербахе»?

Я: Нет.

А.Н.: А что Вы вообще читали?

Я: Аристотеля, Декарта, Гегеля...

А.Н.: Ну, это так... А Маркса с Энгельсом Вы читали?

Я: Конечно, да.

А.Н.: Напишите все, что Вы знаете по их текстам.

Я исписала мелким почерком страницу А4 формата, и мне поставили оценку «хорошо».

Впоследствии Альберт Николаевич скажет, что он преувеличивал политическое значение марксизма. Но это преувеличение было искренним. Он был верным рыцарем марксизма, преданным и душой, и разумом.

Я благодарна ему за помощь, которую он оказал мне при написании текста кандидатской диссертации. Мне никто не верил, но после прочтения первого варианта текста Альбертом Николаевичем мы обсуждали его шесть часов, не вставая с места. Он дал множество советов по докторской диссертации, особенно важными были замечания по поводу окончательной формулировки концепции и по поводу доклада на защите. Сейчас Альберт Николаевич читает курсы «Философские проблемы сознания», «Учение о категориях», «Методика преподавания философии». Уже будучи аспирантом ФсФ, я посещала его лекции и была в восторге: широта и независимость мышления, богатая эрудиция, импровизация, способность ответить на любой вопрос.

Начиная с третьего курса, я на зимних каникулах ездила в Москву, в Российской государственную библиотеку, которая тогда называлась «Ленинской». В 1985 г. приходило в библиотеку надо было к восьми часам, к открытию, чтобы досталось место в гардеробе. Я работала с основным каталогом, читала кое-что. Но целью моих стремлений был спецхран, где хранились тексты русской эмиграции. Я подошла к консультанту и спросила во весь голос: «Скажите, пожалуйста, где находится спецхран?» Она поднесла палец к губам и шепотом ответила: «Пройдите по деревянной лестнице на четвертый этаж».

В спецхране с утра тоже не было свободных мест. Возникало впечатление, что в этом маленьком помещении, состоявшем из двух комнаток, мысль материализовалась, висела в воздухе, заполняла крошечное пространство так, что было тесно не только физически, но и метафизически. Меня привлекало творчество В.И. Иванова, и за двадцать семь дней января 1988 г. я исписала тетрадь в девяносто шесть листов. Ксерокопии книг из спецхрана тогда делать запрещалось. Сейчас многое из того, что я читала тогда в Москве, стоит на полках моей домашней библиотеки и регулярно перечитывается. О времени, о нравах!

После защиты кандидатской диссертации в 1994 г. я работаю на кафедре культурологии и социальной коммуникации гуманитарного факультета Томского политехнического университета. В 2002 г. защитила докторскую диссертацию на философском факультете ТГУ, работаю в должности профессора. Читаю различные курсы: «Культурология», «Основы теории коммуникации», «Основы эстетики», «Эстетика рекламы», «Логика и теория аргументации», веду занятия на английском языке. Коллектив на кафедре молодой, энергичный, деловой. Возглавляется талантливым администратором, профессором Агнессой Петровной Моисеевой. Есть возможность заниматься наукой, творчески себя реализовать. Я выступала с докладом на XX Всемирном философском конгрессе (Бостон, США, 1998 г.), опубликованы мои переводы философских текстов с английского языка. Руководжу работой аспирантов. Опубликовано две монографии, множество статей и несколько учебных пособий. Являюсь руководителем научного семинара кафедры, главная цель которого – обсуждать диссертации сотрудников перед защитой. Недавно присвоено ученое звание профессора. Работа продолжается...

Сычева Светлана Георгиевна

Томский универ... Что можно вспомнить о событиях более чем двадцатилетней давности? Преподаватели, лекции, конспекты, читальные залы, аудитории, книжки, методички, экзамены. Как и у всех, кто учился. И тогда, и сейчас, и потом. А что еще?

Отдельные картинки, кусочки томской мозаики... Тихие улочки с деревянными патриархальными особнячками в потемневших кружевах и островерхих башенках – пронзительные ноты русского модерна; размах бетонной набережной с коммунистическим стеклянным кубом и притулившейся по соседству старинной бонбоньеркой из красного кирпича; похожая на центральный неф католического храма родная Ленина с высоким тополиным сводом и зелеными витражами; университетская роща с живописным пленэром: зелеными лужайками и тенистыми куртинами, каменными идолами и белыми романтическими мостками; гулкие коридоры главного корпуса с таинственными узкими лесенками, уходящими под своды крыши, и ступенями, стертыми задолго до нашего рождения... Томск, Сибирские Афины, – город профессоров и студентов, место, где сходится прошлое и настоящее. Он покоряет с первого взгляда, первого вдоха, первого глотка свободы. Много лет спустя один человек скажет, пройдясь со мной по пустым гулким коридорам, пахнущим краской и летними каникулами: «Завидую тебе, что здесь училась».

На первом курсе мы жили всемером в одной комнате на Ленина, 49. Всемером ели, всемером спали, всемером ходили в кино. Всегда и везде вместе. Так, наверное, легче давался переход от домашнего уклада с мамой, папой, братьями, сестрами, бабушками, дедушками и прочими родственниками к полной самостоятельности, вечный спутник которой – одиночество. Вообще комната в студенческом бытии – категория скорее метафизики, чем физики. Комнатное братство легко угадывается в стайке юных первокурсников. Вот они спешат на занятия, стоят в очереди в столовой или шествуют в кино. Это потом гуляют парочками: две девочки, два мальчика или девочка с мальчиком. На первом курсе мало кто дружит, мало еще кто поражен любовной лихорадкой. Потому и появление в комнате по весне ребенка становится для всех чудом непорочного зачатия...

Наша комната больше похожа на «казарму»: по линейке выстроены семь железных кроватей, заправленных одинаковыми розовыми и голубыми, как в больнице, покрывалами, семь скособоченных тумбочек, обеденный стол и шкаф, отделяющий крохотную прихожую. Однажды в гости пришли девочки-томички. Разделись в прихожей, стали разуваться, и вдруг одна из них, кажется, Ира Проскуровская, испуганно воскликнула: «Ой, девочки, что это?» В пыли на полу валялся какой-то серый кусок, обросший шерстью. «Где? – наклонилась Ира Боровикова, но, разглядев, разочарованно махнула рукой: – А, сало!» Не обращай, мол, внимания. Его присылали все родители, ведь холодильника тогда еще не было, а сало, соленое, с чесночком, долго не портилось. И вот оно, порезанное ломтиками, лук с солью и подсолнечным маслом и хлеб – наше обычное меню. Которое уже поперек горла. Что ж, такова плата за тот самый глоток свободы. А на десерт были семечки. Откуда они только взялись? Большие, черные и немытые. От них все становилось черным – и газета, на которой они лежали, и руки, и лица. Каждый вечер по комнатам ходила санкомиссия, из своих же студентов, проверяла чистоту в комнатах. Из-за семечек балл у нас был невысок. И еще из-за белья. Сушить его в комнате, пусть даже прикрыв полотенцами, запрещено! По мнению составителей общежитских правил, высушать ему следует, видно, прямо на обитателях студенческого муравейника, так сказать, для остужения разгоряченных молодых тел.

А что остудит жар молодых сердец? На дворе ночь, а в комнате небольшой вооруженный конфликт, вспыхнувший на почве идейных разногласий. Камнем преткновения стал вопрос: можно ли построить коммунизм в отдельно взятой стране? Атмосфера накаляется, исчерпаны все аргументы, и тогда в ход идет последнее средство, способное сломить волю противника: «Ну ты и дура! – Ха-ха-ха! Да ты сама дура!» И вслед за словами летят, теряя перья, тощие казенные подушки.

В общежитии царят строгие нравы. Всех гостей регистрируют на вахте, за теми же, кто не покинул вовремя гостеприимных хозяев, по ночам охотится всемогущий ОКОД – оперативный комсомольский отряд дружины. Он стоит на страже нашей нравственности. Не мамы с папами и не заботливый куратор, прячась от которого, я однажды целый час просидела в стенном шкафу, нет! крепкоусые, смуглолицые парни из Средней Азии и Закавказья, состав-

лявшие тогда костяк ОКОДа. Но разве можно возвести преграду между женской «тройкой» (новое общежитие на Южной) и мужской тиасуровской общагой напротив! Однажды нашу комнату привели в качестве примера беспрецедентной и, надо сказать, не очень-то поощряемой администрацией, общительности: более двадцати записавшихся за день. Ну и что! Мы приглашали в гости всех, с кем «списывались». Позвольте, спросите вы, как это списывались? А вот так, самым что ни на есть виртуальным образом. И не нужно для этого ни компа, ни Интернета. Есть палка с лампочкой, выключателем и проводом с вилкой? Этого достаточно для общения. Стоишь в темной комнате у окна и мигаешь, вызывая на разговор кого-нибудь из общежития напротив. Вот тебе отвечают в третьем окне слева: выводят лампочкой номер твоей комнаты. Это старые знакомые, они уже были у нас в гостях. Дальше начинается разговор. Поначалу сложно выводить в воздухе буквы наоборот, справа налево, но ты быстро осваиваешься. Как дела? Чем занимаетесь? Приходите в гости! Когда? Сейчас! Конец связи. Или вот новое окно. Как тебя зовут? Коля? А чем ты занимаешься? Ну, ты извращенец! Конец связи. Привет! Ты кто? А почему такой грустный? Девушка бросила? Не переживай, все образуется! Зовешь в гости? Хорошо, придем с подругой. Ждите!

И вот по стаканам разлито дешевое вино, в полумраке алеют кончики сигарет («Космос» в твердых пачках), глаза напротив таинственно блестят, а из разбитых кассетников сквозь дым и вечный общаговский запах неустроенного быта наплывают волны отечественного рока:

Нас вели поводыри-облака,
За ступенью – ступень, как над пропастью мост,
Порой нас швыряло на дно,
Порой поднимало до самых звезд...

Каждое слово из песни – про нас. Это наша музыка, и нам казалось, она будет вечной, стоит лишь заменить батарейки. Она задавала ритм нашему дыханию, она диктовала час, когда ночь сменяет день, нередко уже под утро, она водила перстом судьбы, взращая пристрастия и привязанности. В те годы «мы стояли на плоскости с переменным углом отражения» и не знали, что может быть по-другому. Жизнь наша была такой же андеграундной, что и музыка, рвущаяся из старых динамиков. Нет, мы не подписывали писем протеста, не устраивали демонстраций, не выступали против войны в Афганистане, ведь мы были детьми не 60-х, а 80-х годов. Мы просто жили. И не особенно верили тому, чему нас учили. Мы пробовали этот мир на вкус, и порой нас выворачивало наизнанку, но мы вставали и упорно шли дальше. И на темном щите пламенел девиз: «Не жалею о том, что было!» И еще, никогда не оборачивайся.

Ты повесил мишени на грудь,
Стоит лишь тетиву натянуть;
Ты ходячая цель,
Ты уверен, что верен твой путь.

Романтичный, ироничный, загадочный БГ. Великий и ужасный. Кумир нашей юности. И не только он.

Накануне революции конца XX в. – ренессанс Серебряного века. Этих поэтов почти или совсем не печатали. Первым сборничком стали не розовые

«Страницы русской поэзии», а потрепанный блокнот с выписанными в читальном зале строчками. (Боже, неужели тогда еще не было Интернета?!)

Или бунт на борту обнаружив,
Из-за пояса рвет пистолет,
Так что сыпется золото с кружев,
С розоватых брабантских манжет...

С них-то все и началось. Полоснули они по сердцу «махровым эстетизмом», как и когда-то фолкнеровские «флаги в пыли» («И голос ее был гордым и тихим, как флаги в пыли...»). Расстрелянный поэт с большим трудом отыскался лишь в хрестоматии для студентов пединститута. Даже в розовые «Страницы» он тогда не вошел.

Однако в кругу наших предпочтений был не только рок – музыка протеста. Мы были всеядны. Уважали хэви металл, который «никада и низачё не умрет!», и любили почти попсовый «Форум»:

Белая ночь опустилась, как облако,
Ветер гадает на юной листве,
Слышу знакомую речь, вижу облик твой.
Ну, почему это только во сне?

А еще «Модерн Токинг», в чем не так легко признаться. Помню, стою на остановке с пластинкой Моден Токинг'ов. Мне немножко грустно, потому что близится час, когда покину Томск навсегда, и немножко неловко – за эту попсовую пластинку. Я переворачиваю хрупкий лист лицами знойных красавчиков к себе, чтобы никто не смог их разглядеть. Когда речь заходила о группе, обычно спрашивали: тебе кто нравится, светленький или темненький? Мне лично темненький. Мне всегда нравились темненькие, но замуж я вышла за светленького. И тогда в Томске один светленький предлагал мне руку. Странно глянулись среди трескучих январских морозов загорелое дочерна лицо, выгоревшие на солнце волосы и бешеные голубые глаза. Опаленные войной интернационалисты 80-х, раненые и контуженные, – это наши мальчишки, наши друзья, наши случайные встречи...

Когда заканчивался учебный год и проходили экзамены, наступал переворот всего общежитского уклада – комнаты освобождались, вещи собирались, студенты разъезжались. Кто на практику, кто в стройотряд. Одно лето мы с Ирой и Ларисой работали проводниками на поезде «Томич», одно лето с Олесей Назаровой, Светой Сычевой и Алисой Приходько отделивали дома в Бориках, одно лето работали на сенокосе в странном месте под названием Лежебоково – с Алисой, Олесей, Светой, Ирой, Женей и еще кем-то, не помню точно. Было это в Нарымском крае, месте ссылки товарища Ульянова. Тьма комаров, которую я нигде больше не встречала. Каждый спал под черным, похожим на гроб, пологом, предварительно прыснув туда дихлофосом. На озерцо по-соседству бегали сразу уже в купальниках, чтобы не останавливаться для переодевания. Добежал до воды и – бултых! Прямо в обуви. Работа была изматывающая, по двенадцать часов, ночью и днем. На фантастическом агрегате с двухэтажный дом. Фасовали в бумажные мешки высушенную измельченную траву. В конце сезона все это сгорело вместе со складом. Не окупилась даже еда.

В Бориках проводили внутреннюю отделку домиков для селян. Когда настал момент возвращаться в город, мы из-за собственной глупости отстали от группы и добираться пришлось самим. Помню, как в ночи, гремя посудой, с чемоданами и сумками, пробирались по глухому лесу к шоссе – Олеся, Света и я (Алиса уехала раньше по болезни). Путь, надо сказать, был неблизким. И, помню, как под одним из кустов изнемогая Света оставила кастрюлю со словами: «Прости, Алиса»...

Мы любили ходить в кино. Однажды ехали на троллейбусе в кинотеатр на Ленина. Лариса, Ира и я. Ехали, ехали и тут Ларусика сморило. Вот нужная остановка. «Лариса, выходим!» – «А, что! – встрепенулась задремавшая подружка, замотала головой: Где моя шуба?» Выбрались из заиндеветого троллейбуса, согнулись от смеха. «Что вы ржете! Я сказала сумка!» – смущенно оправдывается Лариса. – «Нет-нет! Мы ясно расслышали «шуба!»» – в два голоса уверяем мы ее. – «Ну, ладно! Я сказала: «Где моя шумка!»

Походы в кино – не просто кинофильм на широком экране, это целое священнодействие. Для начала нужно сбежать с лекции (запретный плод, как известно, сладок вдвойне и втройне!), по дороге зайти в уютную «Лиру», или «Гриль-бар», или еще куда-нибудь. А иногда и туда, и туда, и туда. По очереди. Потому что в одном месте – самый вкусный в Томске салат или заливное, в другом – горячие бутерброды и кофе по-турецки (но часто, увы, огромная очередь), в другом – бифштексы «из медвеж», т.е. медвежатины. И так, в поход по всем значным местам! Потому что сегодня великий день – стёпа, стипендия (которая, несмотря на свою повышенность, как из старого анекдота – «хорошая, но маленькая»). Эх, раз в месяц гуляет голодный студент! А уж после гастрономического удовольствия – удовольствие эстетическое. Смолкает шум, гаснет свет, и начинается... Мы любим индийские фильмы. За их красочность и сказочность. На улице минус двадцать, шубы и валенки, а на экране пальмы, цветы и девушки в сари. Многие презрительно кривятся и ходят на пиратов двадцатого века и фильмы про разведчиков, а мы любим индийское кино. Несмотря на его наивность. Правда, философский взгляд в сторону не отвернешь – Ларису однажды вывели из зала за излишнюю герменевтику.

Кстати, о философии. Спросите, где же она? Где единство и борьба противоположностей, где бытие, определяющее сознание, где трансцендентальное единство апперцепции? Неужели ничего не запомнилось? Конечно, запомнилось. И бессонные ночи перед экзаменами (на трубах горячей воды в подвале или в учебных комнатах под гудение синих ламп), и упоительный сон на лекциях, и сидение до сиреневых сумерек в Научке или областной библиотеке, и лекции – умнейшего Книгина, блистательного Родоса и других замечательных и, увы, не очень преподавателей. Много забылось из того, чему нас учили, а многое и вовсе не запоминалось, но главное, я надеюсь, все же осталось. Что? Умение думать. Нет, это не высокий стиль, навряд ли «*cogito, ergo sum*». Это такое же занятие, как плавание, езда на велосипеде, игра в шахматы, которому можно обучиться. И это было ох как непросто! Мозги дымились и скрежетали шестернями, сдвигаясь с места. Впервые за восемнадцать лет. И слава великая за это Универу и всем преподавателям! И так же, как

остается на всю жизнь умение играть в шахматы, ездить на велосипеде или плавать, это умение, надеюсь, останется с тобой навсегда. Как и останутся с тобой навсегда тихие томские улочки, резные карнизы и дома с лепниной. Как и все, что связано с молодостью и поисками себя. Ведь, по сути, и философия не просто наука, а такой же поиск себя. Себя в мире и мира в себе. И продолжаться ему всю жизнь, пока устремлены вперед зоркие глаза и стучит в висках горячая кровь.

Третьякова Шаргал Кирилловна